

²⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 3–4.

²¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. № 75. Л. 5–7.

²² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. № 11. Л. 7.

²³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. № 2. Л. 1–15.

²⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. № 11. Л. 8.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 905. Л. 230–231.

²⁶ В документе указан только месяц, однако есть упоминание о недавнем приезде английского посла Дж. Меррика, который прибыл в Москву 22 декабря 1614 г. (Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 55).

²⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 55. Л. 1–8.

²⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 1–126.

²⁹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1613 г. № 2. Л. 1–6.

³⁰ *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Тбилиси, 1959. Ч. 1. С. 332–370.

³¹ Еще Генрих Штаден писал, что дорога в Россию «широка и просторна, а из страны – узкая-преузкая» (*Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 84).

³² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 69. Л. 3.

³³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 4. Л. 169 об., 175.

³⁴ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 69. Л. 3–4.

О. В. Семенов

СИСТЕМА РЕГУЛЯРНОГО СООБЩЕНИЯ В СИБИРИ И «ПРИБЫЛЬНАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОБОЛЬСКОГО ВОЕВОДЫ Ю. Я. СУЛЕШЕВА¹

По справедливому замечанию исследователей, основная задача воеводского управления состояла в сокращении казенных расходов, увеличении налоговых поступлений и поиске новых источников дохода². За «учинение» государству «прибыли» администратор мог рассчитывать на вознаграждение, в виде подарков (шуб, серебряных кубков, мехов, сукна и т. д.), а также придачи к поместному и денежному окладам жалованья. Кроме того, успешная служба способствовала дальнейшему карьерному росту. Впрочем, как правило, правительственная установка на «прибыль» входила в противоречие с обязанностью властей заботиться о том, чтобы «земле тягости не навести». В Москве это отлично понимали, однако, чаще всего в ответ на явное ухудшение положения населения закрывали глаза. Лишь в тех случаях, когда радение об интересах казны с особенной силой ударяло по благосостоянию местных жителей, государство вынуждено было одергивать своих представителей.

Отдельное место среди сибирских «прибыльщиков» принадлежит тобольскому воеводе Ю. Я. Сулешеву (1623–1625 гг.). По справедливому замечанию С. В. Бахрушина, бурная деятельность этого выдающегося адми-

нистратора оставила глубокий след в крае, затронув «интересы всех без исключения слоев населения»³. В исторической науке большинство сулевских нововведений изучены относительно неплохо, чего нельзя сказать о его мерах по отношению к ямщикам. Касаясь последних, исследователи в основном ограничивались лишь пространными выводами и общими характеристиками. Между тем, значение сибирских ямщиков трудно переоценить: они сыграли огромную роль в деле укрепления русских позиций в крае, его освоении и последующем развитии. Настоящая работа, с опорой на архивные материалы, отчасти восполняет данный пробел.

Еще в конце XVI – начале XVII в. «за Камнем» были учреждены Верхотурский, Туринский и Тюменский ямы⁴. Впрочем, уже с первых лет своего существования положение их жителей неуклонно ухудшалось. Отчасти это можно объяснить обязанностью ямщиков фактически круглый год перевозить казенные грузы и следовавших по государственной необходимости лиц. При этом, несмотря на усиление интенсивности гоньбы, вызванной процессом дальнейшего освоения Сибири, количество паев на каждом яме оставалось неизменным – пятьдесят. Небывалый наплыв людей и грузов приводил к острой нехватке средств передвижения и вынуждал ямщиков прибегать к их найму за свой счет. Так, в 1621 г. верхотурские ямские охотники жаловались на то, что за каждую подводку они, порою, платили по 4–5 рублей, потому что на дорогах «летом грязь да камень, а зимою снега глубокие»⁵. К тому же, если первоначально сибирским ямщикам вместе с денежным предоставлялось хлебное обеспечение, то уже вскоре они были его полностью лишены и переведены «на пашню». Что касается денежного жалованья, то оно выплачивалось нерегулярно. Не случайно, свои оклады обеспечения за 1608/09 г. туринские ямщики получили не раньше лета 1610 г.⁶ Вдобавок, ввиду нехватки наличных средств, жалование могли выдавать разнообразными товарами (сукнами, пушшиной «худого» и «среднего» качества и т. д.), которые, вследствие отсутствия на них особого спроса, ямщики вынуждены были сбывать за бесценок⁷. Ситуацию усугубляло то, что долгое время насельники сибирских ямов не располагали даже таким характерным для других областей государства источником доходов как прогонные деньги. К этому следует добавить большую протяженность путей, поджидавшие на них опасности, значительность вызванного серьезными перегрузками и суровыми природными условиями конского падежа, обязанность «ежегод беспереводно» содержать за свой счет лошадей с санями (зимой), телегами (летом), седлами и прочей «гонимой рухлядью», а для водного пути – «всякие суды» с «судовой снастью». Кроме того, в противовес царскому указу 1556/57 г., освобождавшему ямщиков от несения других повинностей⁸, в действительности, их ак-

тивно привлекали к расчистке и поддержанию дорог, погрузке на судоверфях хлебных запасов, строительству церквей, казенных мельниц, судов и т. д.⁹ В ряде случаев с них взимались общегосударственные налоги («пятая» и «десятая» деньга)¹⁰. Ухудшали положение ямщиков и многочисленные злоупотребления со стороны представителей воеводской администрации и проезжих лиц. Так, возвращавшийся в 1608 г. с тобольского воеводства И. И. Внуков, вместо указанных в подорожной шести потребовал восемь подвод. Получив отказ, администратор нагрнул «вьюки со всякой рухлядью по осмине по девяти пуд на лошадь, не по нашему (царскому. – О. С.) указу», отчего «на волоку» «тою кладью уморил с надсады... четыре лошади»¹¹. Источники изобилуют также фактами беззастенчивого «наметывания» воеводами на ямщиков своих «изделий», использования ими для личных нужд ямских подвод и т. д.

В первые послесмутные годы положение насельников сибирских ямов оставалось непростым. Не случайно, в августе 1614 г. верхотурские ямщики отправили в Москву своего представителя с жалобой «о ямской бедности»¹². Пять лет спустя они сетовали на изнурительную ежедневную (зимой и летом) гоньбу по нескольким направлениям (к Соликамску, Туринскому острогу, Пелыму, на Чусовую, Лялю, Тагил и Кошай), от которой «лошади с надсады и от великие нужи помирают», а также на обязанность в одиночку чистить Бабиновскую дорогу (тогда как ранее к этой повинности привлекалось тяглое население Перми Великой). Между тем, вместо прежних 20 рублей, ямщики получали всего по 7 рублей на пай жалованья, чего им и «на полгода не ставае». От подобных тягот они «одолжали великими долги, жены и дети свои многие в подводах позакладовали». Ответной царской грамотой (июнь 1619 г.) воеводе Ф. И. Сомову хотя и предписывалось разобраться в причинах – по царскому ли указу или инициативе местной администрации – сокращения жалованья, однако это не улучшило ситуации¹³. Лишь после того как, вследствие массового бегства, в 1620 г. численность верхотурских ямщиков сократилась до 39 человек, правительство было вынуждено пойти на увеличение размера оклада их денежного обеспечения до 10, а в следующем году до 15 рублей. Благодаря этим мерам Верхотурский ям в 1621 г. был вновь целиком укомплектован¹⁴. Не в лучших условиях находились тюменские и туринские ямские охотники. Не случайно, размеры жалованья первых, в конечном счете, сократили до 7 рублей¹⁵. Более того, в начале 1620-х гг. из-за тягот и лишений они и вовсе были вынуждены просить об освобождении от гонимых обязанностей¹⁶.

Во времена правления тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева система регулярного сообщения в Сибири претерпела серьезные изменения. Этот ретивый «прибыльщик» поставил перед собой цель сформировать «за Кам-

нем» собственную продовольственную базу, благодаря которой край смог бы полностью отказаться от поставок зерна из европейской части страны. Вот почему он всеми силами расширял запашку и увеличивал объемы поступающего в казенные житницы хлеба¹⁷. При Сулешеве же была осуществлена перепись территорий западносибирских уездов. Ее результаты свидетельствовали о том, что к этому времени ямщики играли заметную роль в хозяйственной жизни региона. Так, в 1623/24 г. туринских ямских охотников насчитывалось 48 человек (вместе с детьми и братьями – 71 человек). В подавляющем большинстве они проживали в Ямской слободе¹⁸. Одновременно за ними числилось 163 чети с осьминой пашни, 63 чети с третником перелога «в поле, а в дву потому ж» и на 3730 копен сенных покосов¹⁹. Более заселенным оставался Тюменский ям. Летом 1623 г. численность его населения составляла 81 человек (вместе с детьми, братьями и племянниками – 162 человека). Из них только 47 ямщиков постоянно проживали на посаде и в Ямской слободе, тогда как остальные успели прочно осесть в деревнях. Согласно переписи, им принадлежало 725 четей пашни, около 135 четей перелога в поле, «а в дву потому ж», а также на 4410 копен сенных покосов по р. Туре²⁰. Что касается верхотурских ямских охотников, то в 1624 г. их насчитывалось 55 человек (с детьми, братьями и племянниками – 86 человек)²¹. Тогда же они владели 411 четями пашни, 410 четями перелога и санными покосами на 6300 копен²². Выяснив то, что со сверхокладных пашен сибирских ямщиков до этого времени в казну не взимались никакие налоги, Сулешев обложил насельников Верхотурского и Туринского ямов «пятым снопом» (1624 г.)²³. Любопытно, что если раньше размеры их окладных земель составляли по 20 четей в поле, «а в дву потому ж» на каждый пай²⁴, то теперь они были сокращены до 7 четей для верхотурских и до 10 четей в поле, «а в дву потому ж» для туринских ямских охотников²⁵. Кроме того, именно Сулешев в 1624 г. лишил верхотурских ямщиков земельных участков «у слободы», которые к этому времени выпахались и фактически не обрабатывались. На их месте была устроена государева десятинная пашня²⁶. Что касается Тюменского яма, то его разрядные власти и вовсе решили упразднить.

Многие из исследователей полагали, будто ликвидация системы регулярного сообщения в Тюменском уезде произошла в 1624 г.²⁷ Однако, уже в дозоре тобольского письменного головы Г. Зловидова (август 1623 г.) отмечалось то, что «ныне» по царскому указу и по приговору Ю. Я. Сулешева тюменские ямщики «от ямские гонбы отставлены»²⁸. Впрочем, в некоторых документах последующего времени указывается двойная дата – 1623/24 г.²⁹ В любом случае, не приходится сомневаться в том, что уже в 1623 г. Тюменский ям был ликвидирован. Не случайно, из отписки вое-

водских властей (была получена в Москве 14 января 1624 г.) следовало, что к этому времени гоньба в уезде осуществлялась не профессиональными ямщиками³⁰.

Не до конца ясен и социальный статус бывших тюменских ямских охотников. По мнению одних исследователей, их перевели в пашенные крестьяне³¹. Согласно утверждению других, они стали посадскими людьми³². Действительно, как следует из материалов дозора Зловидова, ямщикам предписывалось «быть на Тюмени в пашенных крестьянях»³³. Однако, проводившаяся позднее перепись Н. Беглецова (1623/24 г.) отмечает их в числе посадского населения³⁴. Посадскими людьми они нередко именуются и в последующее время³⁵. Впрочем, иногда в источниках середины – второй половины 1620-х гг. их и вовсе обособляют от остальных групп тяглецов, называя «отставленными» или «старыми» ямскими охотниками³⁶. Обнаруженные нами архивные документы проливают дополнительный свет на этот вопрос. Согласно им, первоначально Москва предоставила тобольским властям право самостоятельно решить («по своему высмотру, как бы нам (государю. – О. С.) было прибыльнее»), куда переводить бывших ямщиков – в посадские люди или же в пашенные крестьяне. В последнем случае, на них необходимо было возложить повинность по обработке государственной десятинной пашни, которую, в свою очередь следовало «вырезать из их же паханые пашни». По всей видимости, некоторое время власти склонялись именно ко второму варианту. Однако, царской грамотой (от 11 апреля 1624 г.) разрядным воеводам уже в категорической форме предписывалось бывших тюменских ямщиков вместе с детьми, братьями и племянниками «устроить на Тюмени в посадских людех». При этом, на них следовало положить оброк, «смотря по их животом и по промыслом, как бы нашей (царской. – О. С.) казне было прибыльнее, а с пашен их... имати выделной хлеб: з доброво хлеба четвертой сноп, а с середнево хлеба пятой сноп, а с худово хлеба шестой сноп»³⁷.

Мероприятия Ю. Я. Сулешева получили поддержку со стороны Москвы. Благодаря им, власти добились «существенной экономии казенного хлеба и улучшения хлебоснабжения Сибири»³⁸. Внесли свой посильный вклад в этот вопрос и ямщики. К примеру, с пашен насельников бывшего Тюменского яма уже в 1623/24 г. была выделена на государя 3051 четь с четвериком ржи и овса³⁹. В то же время, «прибыльная» деятельность разрядной администрации нанесла серьезный удар по благосостоянию ямщиков, что не могло не отразиться на качестве их «службы». Не случайно, уже в ноябре 1624 г. верхотурские ямские охотники составили челобитную, в которой, указывая на свое удручающее положение⁴⁰, ходатайствовали об увеличении окладов денежного обеспечения (которого им «не

стает и на полгода») до 20 рублей и просили освободить от уплаты «выдельного хлеба»⁴¹. В конечном счете, власти вынуждены были признать обоснованность этих жалоб и пошли на увеличение размеров окладных пашен до 15 четей в поле, «а в дву потому ж» на каждый пай. Впрочем, от уплаты натурального оброка верхотурских ямщиков так и не освободили. Более того, «пятый сноп» предполагалось собрать уже в текущем 1624/25 г.⁴² Конечно, столь скромные уступки не могли удовлетворить ямских охотников. Вот почему в последующие годы вопрос об увеличении размеров «окладных» пашен становился предметом их многочисленных челобитных. Ситуация усугублялась тем, что процедура сбора натурального оброка сопровождалась многочисленными злоупотреблениями. Так, в 1648 г. верхотурские ямщики сетовали на то, что «выдельщики» «пишут... неведомо почему» на их «собинные» (т. е. окладные) пашни «выдельный хлеб», который с них «по вся годы» правят «жестоким правежем» в казенные житницы⁴³.

Особенно сложная обстановка в результате сулешевских нововведений сложилась в Тюменском уезде. Здесь после ликвидации профессиональных ямщиков гоньба целиком была возложена на отдельные категории аборигенного населения. Это, однако, привело к резкому ухудшению качества функционирования системы связи и серьезному недовольству среди инородцев, для которых подобная повинность оказалась слишком тяжелой и непривычной. Не случайно, уже в 1625 г. тюменские воеводы И. В. Плещеев и И. И. Ярлыков с тревогой сообщали о том, что «гонимые татарова на яму не живут. А как лучитца» кому по государевым делам ехать через Тюмень «сухим путем... или в судах водою, и от них де (гонимых татар. – *О. С.*) чинитца задержанье многое и нашим (царским. – *О. С.*) делом мешката». При этом некоторые из аборигенов «з женами и з детми» и вовсе «безвестно збрели неведомо куды»⁴⁴. В феврале 1627 г. местные власти доносили в Тобольск о том, что «Ленской волости гонимые татарова Щербачко Бесергенев с товарищи на Тюмени, на яму, не живут и в ямской гонбе ослушаютца». Одновременно до них доходили слухи, будто «тот Щербачко з братьями своими и с племянники хотят... государю изменить, – отъехать в поле»⁴⁵. Наконец, после некоторых колебаний в конце 1620-х гг. правительство приняло решение о восстановлении Тюменского яма⁴⁶.

Таким образом, в результате деятельности Ю. Я. Сулешева произошло заметное ухудшение качества функционирования системы связи «за Камнем». Это с неизбежностью приводило к ослаблению позиций Москвы в крае. Вот почему уже вскоре центральные власти пересмотрели свое отношение к некоторым из нововведений слишком ретивого «прибыльщика».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 02.740.11.0578.

² *Андреевский И. А.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 63; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 82.

³ *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 272.

⁴ Подробнее об этом см.: *Семенов О. В.* Верхотурский ям в конце XVI–XVII вв.: история возникновения и функционирования // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 1. С. 15–19; *Семенов О. В.* О времени возникновения системы регулярного сообщения в Сибири // Известия Алтайского государственного университета: История. Политология. Барнаул, 2010. № 4/2(68). С. 198–200; *Семенов О. В.* Система регулярного сообщения на территории Тюменского уезда в первой четверти XVII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2010. Вып. 11. С. 75–77.

⁵ АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 150.

⁶ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Вып. 2. С. 243.

⁷ См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 94. Л. 44.

⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 44.

⁹ См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 263. Л. 155; Стб. 354. Л. 243; Стб. 593. Л. 6; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86. Л. 19; Оп. 2. Стб. 423. Л. 8; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 2. С. 197, 238; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 228; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 74.

¹⁰ См., напр.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 285. Л. 36.

¹¹ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 2. С. 214–216.

¹² ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 85.

¹³ *Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Период второй (1613–1645 гг.). Пермь, 1882. С. 84–85.

¹⁴ АИ. Т. 3. С. 85–86, 149–150.

¹⁵ РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 646.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 14. Л. 224.

¹⁷ См.: *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946. С. 139–141.

¹⁸ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 559 об. – 562 об., 577–582.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 585 об. – 586.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 540–541 об.

²¹ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 194–201 об.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 201 об.; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7. С. 165.

²³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304. Л. 477; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Вып. 7. С. 62, 165; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 113.

²⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 92 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 201 об.; Оп. 3. Стб. 46. Л. 6.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 217–217 об.; см. также: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304. Л. 477–478.

²⁷ См., напр.: *Головачев П. М.* Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в. // Тюмень в XVII столетии. Тюмень, 2004. С. 178; *Катионов О. Н.* Московско-сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. С. 181–182; *Тычинских З. А.* К истории формирования служилого татарского сословия в Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4(25). С. 103.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 531.

²⁹ См., напр.: РИБ. Т. 8. Стб. 646.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 237 об.-238.

³¹ См., напр.: *Ефремов В.* Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска. Тюмень, 2000. С. 4; *Катионов О. Н.* Московско-сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. С. 181.

³² См., напр.: *Миненко Н. А.* Тюмень: летопись четырех столетий. Тюмень, 2004. С. 78.

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 531, 534, 541 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 445 об. –448 об., 536–538.

³⁵ См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 956. Л. 84а об. –86; Оп. 3. Стб. 30. Л. 215.

³⁶ См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 533–533 об.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 239–241 об.

³⁸ *Леонтьева Г. А.* Пашня служилых людей Сибири в XVII – начале XVIII вв. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 18.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 277 об.

⁴⁰ Верхотурские ямщики заявляли о том, что «обдолжали великими долгами, жены и дети иззакладывали и стоят... на правеже беспрестани, и скитаютца промеж двор Христовым именем, а иные ямщики розбрелись врознь».

⁴¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304. Л. 476–478.

⁴² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304. Л. 479; Впрочем, по другим данным, даже к концу 1620-х гг. размер пашни верхотурских ямщиков составлял 7 четей в поле, а «в дву потому ж» на отдельный пай (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 46. Л. 5).

⁴³ АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 56; см. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1071/3. Л. 93; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 148. Л. 291.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 428–429.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 14. Л. 131–137.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: *Семенов О. В.* Восстановление системы регулярно сообщения в Тюменском уезде в конце 20-х гг. XVII в. // Известия Уральского государственного университета: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3(79). С. 66–72.